

УДК 930.1+322

ББК 63.3(2)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАРК «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ»: региональный контент versus идеология и смыслы основной экспозиции мультимедийного проекта¹

И.А. Вальдман, Е.И. Красильникова, С.С. Наумов

Аннотация. Актуальность статьи заключается в выявлении на примере реализации региональных отделений парка «Россия — моя история» политико-идеологической обусловленности исторического контента экспозиций. По мнению авторов, данные экспозиции отражают не столько современный уровень развития академического исторического знания, сколько разноуровневую и, частично, внутренне противоречивую реализацию целей общероссийских и региональных политических акторов в политике памяти. Таким образом утверждаются идеологически значимые оценки прошлого как детерминирующего настоящее и будущее состояние страны и регионов. Цель работы состоит в том, чтобы, охарактеризовать сибирский сегмент сети исторических парков «Россия — моя история» как новейшее средство утверждения государственного исторического метанарратива в культурном пространстве Сибири. Авторами решается ряд задач. Во-первых, определяются особенности концепции проекта «Исторический парк «Россия — моя история»», в которых проявилась политика памяти, реализуемая основными создателями и сторонниками проекта. Во-вторых, сопоставляется специфика репрезентаций местной истории в соотношении с общероссийским контентом, предложенных в исторических парках Сибири (Якутск, Новосибирск, Омск), что позволяет выявить «точки напряжения» между общей и региональными частями экспозиции. В-третьих, оцениваются возможности использования репрезентаций сибирской истории, предлагаемые парками «Россия — моя история» в образовательных целях. Предложенное исследование выполнено в рамках проблемного поля «memory studies», известного разработкой подходов и методов изучения практик политики памяти, а также публичной истории, как системы деятельности, нацеленной на создание широко тиражируемых версий истории. Действующая экспозиция парков, как в московском, так и в региональных

219

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-011-31114) «Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – начала XXI в.)».

вариантах, репрезентирует историю страны с точки зрения столицы, в консервативной логике последовательности «славных» правлений. Репрезентации выстроены вне контекста понимания базовых различий в ментальности людей разных эпох. Экспозиция не дает описания конкурирующих парадигм развития. Парки не отражают сложности этно-культурных и религиозных процессов в истории России и ее регионов. История отдельных областей Сибири представлена с позиции титульной нации и с акцентом на историю православной церкви. Создатели парков отказываются от попыток показа и интерпретации конфликтной составляющей в отношениях между столицей государства и его регионами. Парки «Россия — моя история» формируют не критичное отношение к прошлому. Польза от обращения к этому проекту в образовательных целях представляется сомнительной.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, коммеморация, музейная экспозиция, исторический парк «Россия — моя история», региональный контент.

HISTORICAL PARK “RUSSIA — MY HISTORY”: Regional Content Versus Ideology and Meanings of the Main Exposition of a Multimedia Project

I.A. Valdman, E.I. Krasilnikova, S.S. Naumov

220

Abstract. *The relevance of the article is to identify the political and ideological conditionality of the historical content of the expositions on the example of implementing regional branches of the “Russia — my history” park. According to authors’ research, these expositions reflect not so much the modern level of academic historical knowledge, as the multilevel and partially internal contradictory implementation of the goals of all-Russian and regional political actors in the politics of memory. Thus, ideologically significant assessments of the past as determining the present and future state of the country and regions are affirmed. The purpose of the work is to characterize the Siberian segment of the network of historical parks “Russia is my history” as the latest means of establishing the state historical metanarrative in the cultural space of Siberia. The authors solve a number of problems. Firstly, there are revealed the specific features of the project “Historical Park ‘Russia — My History’”, in which a memory politics is implemented by the main creators and supporters of the project. Secondly, the specificity of representations of local history in relation to the all-Russian content proposed in historical parks of Siberia (Yakutsk, Novosibirsk, Omsk) is compared, which makes it possible to identify “stress points” between the general and regional parts of the exposition. Thirdly, there are evaluated the possi-*

bilities of using Siberian history representations, being offered by the “Russia — my history” parks, for educational purposes. The proposed research was carried out within the framework of the “memory studies” problem field, well-known for developing approaches and methods for studying memory policy practices, as well as public history, as a system of activities aimed at creating widely replicated versions of history. The current exposition of parks, both in Moscow and in regional versions, represents the history of the country from the point of view of the capital, in the conservative logic of the sequence of “glorious” reigns. Representations are built out of context of understanding the basic differences in the mentality of people of different eras. The exposition does not provide a description of competing development paradigms. Parks do not reflect the complexity of ethno-cultural and religious processes in the history of Russia and its regions. The history of certain regions of Siberia is presented from the standpoint of the titular nation and with an emphasis on the history of the Orthodox Church. The creators of the parks refuse to show and interpret the conflict component in relations between the state’s capital and its regions. Parks “Russia — my history” form an uncritical attitude to the Past. The benefits of using this project for educational purposes are doubtful.

Keywords: *historical memory, politics of memory, commemoration, museum exposition, historical park “Russia — my history”, regional content.*

Одна из важнейших функций исторического знания состоит в том, чтобы ориентировать общество в его самоопределении и целеполагании дальнейшего развития. Именно поэтому политические субъекты всегда, в той или иной степени, борются за прошлое. В настоящее время в широкой обиход вошли близкие по смыслу понятия «политика памяти» и «историческая политика», в самом общем смысле обозначающие усилия политических элит и их сторонников, а также встречные действия противостоящих им социальных групп и представляющих их субъектов по конструированию значения прошлого и его широкому распространению или навязыванию другим членам общества [1, р. 13]. В последние десятилетия можно

наблюдать усиление использования элементов исторического знания в социально-политической практике современных обществ, зачастую далекого как от научной достоверности утверждаемых интерпретаций исторических событий и их значения, так и от взвешенности и корректного рассмотрения альтернативных точек зрения на исторические данные, свойственных академическим дискуссиям. Осознание политиками ценности ресурса исторической памяти стало залогом оказания разнообразной поддержки со стороны государства и иных политических акторов многочисленным социальным проектам, нацеленным на репрезентации истории в определенных контекстах и широкую популяризацию этих репрезентаций.

Все большее распространение в обществе получает так называемая «публичная история» («public history»), направленная на то, чтобы делать знание о прошлом доступным и интересным общественности. В свете этой тенденции сегодня можно наблюдать всплеск внимания к музеям и историческим паркам, наглядно и увлекательно демонстрирующим различные версии исторического прошлого, нередко далекие от его научного понимания. Обычно отход коммемораторов от академической версии истории обусловлен идеологическими причинами. В тех же случаях, когда к созданию какой-либо репрезентации прошлого оказываются причастны несколько коммемораторов, работающих в различных парадигмах интерпретации исторического или идеологического знания, то не удивительно, что результат их усилий проявится противоречиями и напряженностью в их концептуально-смысловых, а иногда и личных взаимоотношениях, достойных исследовательского внимания. Видится, что сказанное в немалой степени относится и к случаю создания региональных отделений всероссийской сети исторических парков «Россия — моя история», созданных по инициативе представителей Русской православной церкви. В реализации проекта приняли участие многочисленные историки и музейные работники, часть из которых трудилась на местах, готовя те или иные региональные части контента исторического парка.

Сравнение репрезентаций регионального исторического прошлого, созданных для проекта «Россия — моя история» в трех сибирских городах — Якутске, Омске и Новосибир-

ске позволяет обнаружить в них переложение на популярный сегодня язык истории высказываний идеологически значимых смыслов и «формул», а также явных замалчиваний альтернативных интерпретаций и «неудобных фактов», посредством которых та или иная часть Сибири (область, республика) выражает собственную значимость, позиционирует себя в отношении столицы и страны в целом. Актуальность данного исследования заключается в выявлении на примере реализации региональных отделений парка «Россия — моя история» политико-идеологической обусловленности исторического контента экспозиций, отражающих не столько современный уровень развития академического исторического знания, сколько разноуровневую и, частично, внутренне противоречивую реализацию целей общероссийских и региональных политических акторов в политике памяти и утверждении таким образом идеологически значимых оценок прошлого как детерминирующего настоящее и будущее состояние страны и регионов.

Необходимо отметить, что проект «Россия — моя история» приветливо распахнул свои двери перед учащимися — школьниками и студентами, для которых в исторических парках организуются специальные экскурсии и различные мероприятия. На сеть парков обратило внимание министерство образования и науки РФ, рекомендовав использовать их в интересах школы и патриотического воспитания граждан, прежде всего, молодого поколения [2]. Директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров подтвердил полное соответствие экспозиций парка-музея

историко-культурному образовательному стандарту [3]. При этом в адрес концепции и приемов репрезентации исторического прошлого в парках «Россия — моя история» неоднократно критически высказывались профессиональные историки [4; 5], в том числе и авторы данной статьи [6]. Дискуссионность проекта «Россия — моя история» придает особую актуальность оценке его образовательного потенциала, в том числе и вариантов его регионального контента, созданных в разных уголках нашей страны.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, охарактеризовать сибирский сегмент сети исторических парков «Россия — моя история» как новейшего средства утверждения государственного исторического метанарратива в культурном пространстве Сибири. Для этого предстоит, во-первых, определить особенности концепции проекта «Исторический парк «Россия — моя история»», в которых проявилась политика памяти, реализуемая основными создателями и сторонниками проекта. Во-вторых, сопоставить специфику репрезентаций местной истории по отношению к представленной в общей части экспозиции истории страны, предложенных в исторических парках Сибири (Якутск, Новосибирск, Омск). Решение указанных задач позволит выявить «точки напряженности» между общей и региональными частями экспозиции, обусловленные, как правило, исторически сложившимися, длительно и нередко латентно существующими противоречиями между центром и регионами, которые отражаются на характере официальных саморепрезентаций и

смысловых лакун. Региональный контент — это своего рода ответ на вызов столичных коммемораторов, предложивших стране свою концепцию отечественной истории, комментарий к продиктованным оценкам прошлого, выражающий, кроме прочего, мнение об их состоятельности. В-третьих, необходимо оценить возможности использования репрезентаций сибирской истории, предлагаемых парками «Россия — моя история» в образовательных целях.

Данное исследование выполнено в рамках проблемного поля «memory studies», известной разработкой подходов и методы изучения практик политики памяти, а также публичной истории, как системы деятельности, нацеленной на создание широко тиражируемых репрезентаций истории. Экспозиции региональных отделений исторических парков «Россия — моя история» представляют собой объемные, совокупные тексты, сложносочиненные авторами, многие из которых не имели возможности непосредственного взаимодействия друг с другом и неизбежно содержащие заметные противоречия. В своих попытках распутать клубки этих противоречий и реконструировать позиции коммемораторов, основанные на той, или иной версии политики памяти, мы опираемся на исследовательский опыт наших предшественников, накопленный в рамках изучения «музеализации памяти», прежде всего, на работы Е.А. Махотиной. Следуя ее рекомендациям, мы предприняли попытку оценить то, как структурирована экспозиция, кто является «главным героем» выставки, является ли образ прошлого плюралистическим, отли-

чается ли он амбивалентностью. Также в процессе исследования нами оценивалась структура и порядок организации экспозиции парка как музейного пространства, его эмоциональная составляющая и характер использования (или мультимедийного отображения) аутентичных исторических артефактов (если они вообще применялись при создании репрезентации) [7, с. 82–83].

Автором идеи масштабного проекта «Россия — моя история» выступил ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, **епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов)**. Идея была реализована Патриаршим советом по культуре и Фондом гуманитарных проектов. К разработке экспозиций привлекались профессиональные историки, архивисты, музейные работники и дизайнеры. Командой разработчиков были последовательно подготовлены интерактивные выставки «Романовы» (2013 г.), «Рюриковичи» (2014 г.), «От великих потрясений к Великой Победе» (2015 г.), «От Победы в Великой Отечественной войне до 2016 года» (2017 г.). В настоящее время московский исторический парк, расположен на территории Всероссийского выставочного центра действует постоянно. По принципиальному замыслу авторов проекта парк вмещает лишь мультимедийные экспозиции, в нем не выставляются подлинные музейные предметы — следы исторического прошлого России.

Митрополит Тихон (Шевкунов), который позиционирует себя как знаток отечественной истории, преследовал, создавая первые выставки, прежде всего, миссионерские цели. История государства представлена им в консервативном, православном кон-

тексте. Этим обусловлены «антилиберализм» и «панегирический уклон в изображении всех без исключения царей», в котором некоторые профессиональные историки обвинили митрополита Тихона (Шевкунова) [3]. Патриотический дух репрезентаций, как одна из основ православной концепции отечественной истории, оказался удобен для использования исторического парка носителями власти в качестве инструмента государственной политики памяти, как в электоральных целях, так и для самолегитимации действующей власти. Данный проект был одобрен и поддержан президентом России В.В. Путиным. В пользу проекта высказывался и премьер-министр Д.А. Медведев.

Однако ряд профессиональных историков, критически оценивших проект, обратили внимание на существенный изъян в подходе к репрезентациям исторического прошлого: слабое соответствие научному принципу историзма. Предлагаемая экспозиция выражает лишь телеологическую линию становления настоящего в прошлом. При этом никаких качественных отличий в смыслах, идеях, перспективах, картине мира, ментальности людей разных эпох истории страны не представлено. Поскольку не показаны реальные источники и артефакты, или хотя бы их качественные копии, просмотр экспозиции дает мало возможностей для того, чтобы сделать на основе знакомства с первоисточниками собственные выводы о характере исторических событий и процессов, их смысле и направленности. Репрезентация события подменяется оценкой деятельности исторических личностей, политических институтов и отдельных соци-

альных групп. Принципиально отсутствует попытка показать Россию, как страну в многообразии региональных, этнокультурных и религиозных отличий. Слабо представлена история различных народов и регионов России. Народ России, вопреки всякой правде, показан как «русский», единый и православный. Эти характеристики отражают сплетение церковно-православных и государственных мотивов в использовании прошлого на уровне масштабного всероссийского проекта, который может послужить антитезой либеральному «Ельцин-центру».

На сегодняшний день открыто уже двадцать отделений исторического парка по всей стране. Свои парки «Россия — моя история» появились и в трех сибирских городах: в Якутске, Омске и Новосибирске. Сокращенный вариант типовой экспозиции, предназначенный для демонстрации в региональных отделениях в Новосибирске и Омске был дополнен сюжетами из истории Новосибирской и, соответственно, Омской области, а в Якутске — репрезентациями истории республики Саха (Якутия). Последовательно рассмотрим и сравним репрезентации региональной истории, представленные в этих парках.

Наиболее объемным получился контент якутского парка, где региональная история раскрывается, начиная с типового зала «Рюриковичи». Древнейшая история территории современной Якутии закономерно представлена достаточно грамотно подготовленными с точки зрения науки археологическими материалами, что выгодно отличает эту часть экспозиции от синхронной ей обще-

русской части, где даже не обозначаются археологические эпохи. В этой же части экспозиции представлены сведения о ряде этносов, сегодня проживающих на данной территории, фактически вне их полноценной исторической характеристики. Хотя экспозиция сообщает о происхождении и образе жизни эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров, иллюстративный ряд включает современные фотографии представителей этих народностей в национальных костюмах, что, строго говоря, нарушает принцип историзма.

Главной темой регионального контента в этом парке является история титульной национальности региона — якутов и характер их взаимоотношений с русскими. Из соседей якутов в экспозиции эпизодически фигурируют лишь буряты и монголы. Последние показаны как конкуренты в освоении предками якутов территории средней Лены. Этногенез якутов репрезентируется не вполне научно, с использованием явно легендарных сведений, с помощью которых присутствие титульной нации в данном регионе искусственно «удревняется». Заметна и попытка повысить значимость истории якутов во всемирном историческом процессе через указание на «создание скотоводческой культуры в условиях крайнего севера» как на «вклад якутского народа в мировую цивилизацию».

Репрезентируя отношения якутов с русскими, создатели этого регионально контента старательно обошли все острые углы, смягчив конфликтную составляющую исторического процесса покорения Сибири, ее включения в состав Российского государства и взаимоотношений меж-

ду русскими царями и народами, проживавшими в этой части региона. Русские казаки, пришедшие в Сибирь «за соболем» нигде не названы «завоевателями». Подчеркивается, что сопротивление русским казакам оказали лишь чукчи, прочие же народы, прежде всего, якуты и юкагиры, если верить экспозиции, добровольно согласились на присоединение занимаемых ими территорий к России. Раскрывая историю землепроходца Петра Бекетова — основателя пяти острогов на территории Якутии, создатели контента заключают: «Весь его пройденный путь свидетельствует о том, что вхождение Якутии в состав России имело непреходящее прогрессивное значение», которое состояло в стимулировании экономического развития, в распространении христианства, просвещения и социального обеспечения населения. Отношения якутов и русских царей показаны создателями парка в контексте поиска политических компромиссов, которые экспозиция возводит даже в «традицию прямого диалога якутского общества с русским царями». Примеры же явных конфликтов либо затушевываются, как факт принуждения якутов П. Бекетовым присягнуть в 1632 г. русскому царю, либо характеризуются как «трагедия» (бунт ссыльных в Якутске 1889 г., известный как «монастыревка»). Пребывание же декабристов в якутской ссылке оценивается позитивно, в традициях сибирской историографии, с точки зрения пользы, которую декабристы принесли местному населению, как просветители. События, связанные с развитием революционного движения в России и Сибири до 1917 г. не акцен-

тированы. Таким образом, из «якутских» слайдов зала «Романовы» не вполне ясно, почему население Якутии позитивно восприняло Февральскую революцию, что сообщают стены следующего зала.

Миролюбие и склонность якутов к компромиссным решениям с политическими оппонентами подчеркивается и репрезентацией революционной истории в регионе. Сообщается, что в 1917 г. лучшие представители национальной якутской интеллигенции смогли создать эффективную систему самоуправления и вплоть до июля 1918 г. сдерживали начало Гражданской войны, которое спровоцировали лишь пришедшие из Иркутска с целью захвата власти радикально настроенные большевики. Политика военного коммунизма вызвала в 1921–1922 гг. массовый народный протест — повстанческое движение, в которое вовлеклись коренные народы Якутии. Только «поворот советской власти к гуманным и продуманным мерам» спас ситуацию. Путем установления диалога и взаимных уступок конфликт был погашен, а с созданием ЯАССР «народы Якутии впервые в своей истории обрели государственность». Последняя формулировка отражает использование создателями экспозиции заметно устаревшей советской историографии с присущей ее пафосной риторикой.

История советской Якутии показана, с одной стороны, в контексте активного включения ее населения во все социально-политически процессы, протекавшие в стране, такие, как индустриализация, или военная мобилизация, с другой стороны, в свете противоречия между возрос-

шим еще в начале XX в. национальным самосознанием, которое проявлялось в попытках сохранять традиционную культуру (язык, обычаи), а также развивать национальную литературу, и государством, нацеленным в 1960-х – 1980-х гг. на этнокультурную унификацию. К примеру, подчеркнуто, что в советской школе не учитывались национальные особенности учащихся, а власти называли народы севера «отсталыми».

Постсоветский период Якутии, хотя он охватывает уже более четверти века, показан обобщенно. Упоминаются лишь некоторые значимые события первой половины 1990-х гг., когда, согласно экспозиции, произошло «создание основ государственного устройства РС(Я)», выразившееся в принятии Декларации государственного суверенитета (в составе РФ), Конституции РС(Я), установлении «института президентства» и принятии новой государственной символики. Основным содержанием прогресса республики в этот период обозначены: преодоление кризисных явлений и выход на дальнейшее развитие в новых социально-экономических условиях (кратко упомянуты строительство, промышленность и аграрная реформа), а также «сохранение и развитие традиционных культур». В дальнейшем по умолчанию и общему нейтрально-оптимистичному тону изложения материала предполагается, что все это успешно достигнуто, хотя и не поясняется в деталях и событиях, как и в чем. В том числе, утверждается, что несмотря на вовлеченность культуры Якутии в бурные события XX в., «ее национальное ядро не подверглось трансформации», что выглядит несколько странно приме-

нительно к многонациональной республике. Последующие за началом 1990-х гг. значительные изменения, коснувшиеся, в том числе и соотношения федеральных и республиканских институтов государственной власти, в частности, института президентства, и фактического положения Декларации о суверенитете не упоминаются. Помимо первого президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева экспозиция не называет других имен якутских политиков новейшего времени и не раскрывает событий, произошедших в Якутии в хронологических рамках четвертой части экспозиции парка.

Трудности, которые непременно возникают при попытке вписать непростую историю межнациональных отношений на сибирской земле в избранный создателями исторических парков «Россия — моя история» «государственнический» контекст, возникли и при организации омского филиала музейного комплекса. Экскурс в региональную историю в омском историческом парке начинается с экспозиционных стендов, посвященных покорению Сибири казаками во главе с атаманом Ермаком в 80-х гг. XVI в. Авторы омской экспозиции осторожно использовали термины вроде «завоевание» или «покорители», приводя большое количество фактографического материала, без каких-либо политических оценок событий и их значения. При этом ненавязчиво транслируются заданные самим замыслом проекта парка «выводы». Например, Ермак позиционируется как легендарный герой, память о котором «бережно хранится сибиряками». Для иллюстрации этого тезиса приводится фото и неболь-

шая справка об установленном в Омске в 2016 г. памятнике казачьему атаману. Однако не стоит забывать, что далеко не для всех жителей Сибири и, в частности, Омской области Ермак — признанный герой. Все-таки открытие упомянутого памятника сопровождалось скандалом: представители Совета омской городской общественной организации татарской национальной культурной автономии выступили категорически против монумента, «оскорбляющего национальные чувства представителей коренного населения Сибири» [8].

Попытка создать в историческом парке Омска «объективную» с точки зрения историзма экспозицию, в основу которой были положены традиционные «штампы» российской историографии второй половины XIX в., воплотилось в жизнь в виде достаточно противоречивой конструкции [9]. Благородное желание «никого не обидеть» (будь то сибирские татары или казаки, сторонники «белых» или «красных» и т.п.), с одной стороны, выглядит оправданным. Ведь даже открытие этого крупного мультимедийного комплекса в политически окрашенном в «красный» цвет городе Омске состоялось не без скандальной ситуации, когда на «левом» сайте «Красная весна» появился материал, подвергший сомнению объективность подачи исторических фактов в центре «Россия — моя история» [10]. Однако данная «миролюбивая» попытка подачи исторического материала, превращающая исторический парк в большое интерактивное пособие по подготовке школьников к ЕГЭ по истории, нивелирует саму идею парка, поскольку даже при беглом

знакомстве с экспозицией комплекса бросаются в глаза многочисленные мелкие неточности, «ляпы», перекочевавшие в тексты экспозиции из давних историко-краеведческих публикаций в региональной печати. Примером тому может служить транслируемая в историческом парке информация о насильственной смерти омского архиепископа времен А.В. Колчака Сильвестра (Ольшевского), якобы убитого большевиками после жестоких пыток в феврале 1920 г., хотя факт насильственной смерти священнослужителя был аргументировано подвергнут сомнению в статье, опубликованной за три года до открытия парка [11]. Или, например, указанные в справке, посвященной биографии выдающегося поэта Р.И. Рождественского, детство которого прошло в Омске, сведения о том, что его именем названа одна из улиц города, хотя это не соответствует реальности [12, с. 224].

Стремление обойти наиболее сложные в оценках вопросы, ограничившись подачей значительных объемов фактического материала, бросается в глаза и при рассмотрении других сюжетов, предложенных омскими авторами. Стержневой конструкцией контента региональной истории XVIII–XIX вв. является «казачья» тема: омская история первых полутора столетий представлена сквозь призму истории Сибирского казачьего войска. Подчеркивается участие казаков в строительстве старой и новой Омских крепостей, первых каменных сооружений на территории современного Омска, открытие первого учебного заведения — Азиатского училища, создание первых промышленных производств и т.д. Помимо

контекстного упоминания, история Сибирского казачьего войска представлена отдельным масштабным стендом, где указывается, что войско являло собой «особое, исторически сложившееся сословно-государственное учреждение Российской империи». Именно это обстоятельство позволяет авторам экспозиции омского исторического парка обозначить «столичный» статус Омска, при этом полнотой сохраняя важнейшую составляющую общего замысла исторических парков «Россия — моя история» — обращение к героическим победам русского оружия с целью пробуждения патриотических чувств.

Актуализированная посредством обращения к военной летописи региональная история, наполняет контент соответствующим содержанием. Становление Омска как столицы Западной Сибири в 1820–1830-е гг. сопровождается характеристикой его превращения в военно-чиновный город. Персоналии, которым посвящены отдельные стенды, в рамках исторической хронологии XIX в. представлены практически исключительно военными администраторами (комендант Омской крепости А.Д. Балашов, командующий Отдельным Сибирском корпусом генерал Г.И. Глазенап, генерал-губернаторы П.М. Капцевич, Г.Х. Гасфорд, Н.Г. Казнаков, Г.А. Колпаковский и др.).

Однако следует и отдать должное авторам концепции исторического парка в Омске. Используя заимствованную из классических популярных краеведческих трудов концепцию [13–15], создатели экспозиции постарались подробно представить и культурную сферу жизни Омска в XIX в. Не секрет, что развитие просвеще-

ния, образования и науки в Сибири во многом являлось заслугой политических ссыльных и общественных деятелей, настроенных оппозиционно в адрес государственной власти. Но именно это обстоятельство создатели омского парка постарались не акцентировать. Так, лидеры сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин представлены в экспозиции, прежде всего, как исследователи Сибири. Но их общественно-политическая деятельность, реально имевшая важное значение в масштабах региона, как и сама суть областничества, описывается крайне скупой, двумя предложениями: «Противники порядка выступали за автономию региона, критиковали политику властей по отношению к Сибири. Инициатива была расценена как проявление сепаратизма».

Первые десятилетия XX в. представлены в омском филиале исторического парка такими масштабными общесибирскими сюжетами, как строительство Транссибирской магистрали и последующий резкий рост экономики. Подробно рассказывается и о переселенческом движении, вызванном переменами в сфере аграрного законодательства. Изменение экономического статуса Омска в начале XX в. обозначено упоминанием об усилении стационарной торговли, развитии пароходного движения по Иртышу, росте экспорта продуктов животноводства, открытии в городе биржи и т.д. Однако сюжеты, связанные с нарастающим в 1910-е гг. общественно-политическим напряжением, событиями Первой русской революции и Первой мировой войны, по неясным причинам, оказались полностью проигнорированы.

Несмотря на свою крайнюю актуальность в последние годы, тема Гражданской войны подана в экспозиции исторического парка конспективно. Небольшими абзацами, не всегда прочно связанными в единое повествование, представлена хроника событий 1917–1920 гг. Этапы обозначены краткими справками о таких событиях, как установление советской власти (события февраля 1917 г. опущены), «поповский мятеж» и налет атамана Б.В. Анненкова на город, мятеж Чехословацкого корпуса, прибытие Временного Сибирского правительства, провозглашение А.В. Колчака Верховным Правителем России, приезд иностранных дипломатов в Омск и взятие Омска «красными» в ноябре 1919 г. Создатели экспозиции осторожно обошли дискуссионные темы «белого» и «красного» террора, представлен лишь сюжет о расстреле членов Учредительного собрания. Статистических данных о количестве жертв Гражданской войны в Прииртышье не приводится вовсе. Ожидаемо не затрагивается и пресловутая тема «столичности» Омска в период «колчаковщины», обращение к которой обычно связано со стремлением символически поднять статус города.

Зато тема насильственной коллективизации 1920-х – 1930-х гг. и массовых репрессий второй половины 1930-х гг. освещена в экспозиции исторического парка более последовательно, в соответствии с характером общероссийского контента. Коллективизация характеризуется как «трагическая страница», а о периоде конца 1930-х гг. говорится как о времени, когда «под громкие пропагандистские лозунги о небывалом развитии демокра-

тии утверждалась атмосфера страха и доносительства». Приведены и подробные данные статистики о количестве пострадавших от насильственной коллективизации, репрессий, депортаций; о сокращении валового производства зерна, поголовья скота и т.д. Негативные последствия политики 1930-х гг. для страны и региона в целом оказались раскрыты, хотя авторы концепции и ограничились смягченной формулировкой: «процессы, происходившие в стране, отличались крайней противоречивостью».

Однако в залах, посвященных Великой Отечественной войне и послевоенному периоду упоминания о любом сколько-нибудь негативном историческом опыте вновь исчезают. Внимание акцентируется на героических и трудовых подвигах омичей на полях сражений и в тылу. Неизбежные трудности, вызванные войной, идут «вторым планом». История Омска 1950–1970-х гг. также отражается посредством описания различных успехов: развития в городе авиастроительных производств, освоения целинных земель, создания крупнейшего центра нефтехимической промышленности — Омского нефтезавода, масштабного жилищного строительства, воплощения в жизнь идеи города-сада и т.д. В то же время, представленные персональные биографические справки о выдающихся омичах становятся более разнообразными: к военным и политическим деятелям добавляются врачи и ученые, художники и писатели, внесшие значительный вклад в науку и искусство в масштабах страны.

Перестроечный и постперестроечный периоды Омской области представлены в историческом парке «Рос-

сия — моя история» схематично. В этом плане омский исторический парк мало отличается от якутского. Порицаемые патриотами-государственниками, стоявшими у истоков проекта исторического парка, 90-е гг. XX в. в омском парке показаны достаточно сдержанно, что следует расценивать как нежелание провоцировать дискуссии о событиях недавней истории, ведущие к конфликтам. Сам период 1990-х гг. характеризуется как время серьезного социально-экономического кризиса, но при этом подчеркивается и то, что «бурное десятилетие запомнилось омичам и многими успешными начинаниями», на которых делается акцент. Мультимедийная экспозиция последних залов парка рассказывает об открытии в Омске новых музеев, создании и восстановлении монументальных и исторических памятников, проведении (начиная с 1990 г.) Сибирских международных марафонов и др. Примечательно, что так же, как в якутском парке, практически отсутствуют имена многих важнейших политических и общественных деятелей региона, но приводятся фамилии лишь тех людей, которые либо давно отошли от общественно-политической деятельности в масштабах Омской области или много лет назад покинули ее пределы. Хронология событий периода 2010-х гг. представлена отдельным залом, однако омский региональный контент в нем не отражен.

Жители сравнительно молодого города Новосибирска считают его «столицей» Сибири. Эта позиция проявилась и в ходе работы над региональным контентом исторического парка «Россия — моя история». «Привычка» считать Новосибирск

«столицей» сформировалась еще в период с 1925 по 1930 г., когда этот город являлся административным центром огромного Сибирского края. Группа музейных работников, трудившихся над созданием регионального контента исторического парка, договорилась включать в него только материалы по истории Новосибирской области. Однако в ряде случаев Новосибирск привычно «заговорил» от лица всей Сибири. Это заметно как на примерах отдельных заголовков («Страницы сибирской истории», «Гражданская война в Сибири»), так и на фактическом содержании некоторых разделов, к примеру, строительство Транссиба, коллективизация и индустриализация характеризуется в масштабах всего края.

В новосибирском филиале исторического парка местная история демонстрируется, начиная с XVII в., в связи с покорением Сибири русскими казаками. Археологической и этнографической характеристики этой территории на более ранних исторических этапах не приводится, не излагается и история Сибирского ханства, в которое включалась территория будущей Новосибирской области. В якутском парке местная история показана с позиции титульной национальности региона — якутов, а в новосибирском, как и в омском, — с позиции русских завоевателей, но не с позиции татар, занявших эту территорию раньше русских и до сих пор на ней проживающих. История Новосибирской области до XIX в. побрана в контексте освоения Сибири русскими через сюжеты о возведении казаками острогов, развития путей сообщения Сибири с центральной Россией (Московский тракт), созда-

ния государственной системы металлургических заводов, запуска в Сузуне регионального чекана российской разменной монеты и создания инфраструктуры РПЦ (прежде всего, храмы). Своеобразие региональной истории XIX в. передается через деemonстрацию успехов развития торговли, в связи с чем приводятся истории известных купеческих кланов из основанных русскими торговыми городами Колывани и Каинска.

Основание сегодняшнего административного центра области Новосибирска (до 1926 г. город назывался Новониколаевском) связывается, прежде всего, с реализацией глобального имперского проекта — со строительством Транссибирской магистрали. Этот сюжет дал возможность создателям новосибирского филиала исторического парка показать роль этого города как транспортного узла в развитии переселенческого движения, ставшего новым этапом в хозяйственном освоении всей Сибири, прежде всего, славянскими народами. Применительно к дореволюционному этапу проявлений напряженности в отношениях между Новониколаевском и царской властью не показано, хотя между жителями города и императором Николаем II существовали сложно разрешимые противоречия из-за кабинетских земель, на которых строился город, частично самовольно. По понятным причинам эту ситуацию смаковала советская историография, но совершенно замолчали создатели исторического парка.

На этапе Гражданской войны Новониколаевск представлен как один из центров событий, значимых в масштабах страны. Город вовлечен во все

наиболее острые социально-политические конфликты. Негативная реакция жителей Новосибирской области в отношении политики центральных властей показана лишь на этапах ранней советской истории (продразверстка, Колыванское восстание, коллективизация). Подчеркивается, что массовые репрессии против крестьян в стране начались после поездки Сталина в Сибирь (конкретно в Новосибирск) в 1928 г. Отмечено и антисоветское Чаинское восстание на спецпоселении в Нарыме.

Однако, как и в омском парке, военный и послевоенный периоды истории Новосибирска и Новосибирской области, показаны лишь с точки зрения позитивного исторического опыта. Экспозиция акцентирует внимание на значении Новосибирска для Сибири и страны в целом. Тыловой Новосибирск репрезентируется как город трудовой славы, культурного, научного и промышленного прогресса. При этом из внимания создателя исторического парка совершенно исчезла Новосибирская область, ее хозяйственные, социальные, демографические характеристики, специфика и проблемы ее развития. В целом, в экспозиции исторического парка Новосибирск второй половины XX в. выглядит, скорее, не как собственно *сибирский*, а главный за Уралом *советский* город.

Открытие исторического парка «Россия — моя история» стало заметным событием в культурной жизни каждого из трех сибирских городов — Якутска, Омска и Новосибирска. Местные администрации, при участии которых создавались парки, постарались привлечь в новые музеи как можно больше учащихся и педа-

гогов, демонстрируя таким образом практическую значимость проекта и его востребованность населением. Ранее мы уже высказывали свое мнение о спорности той пользы, которую может оказать «Россия — моя история» учителю истории и школьникам, постигающим историю как учебную дисциплину [6]. Помимо наиболее значимой проблемы репрезентаций отечественной истории в парках — подачи набора фактов в отрыве от научного принципа историзма, мы отметили отсутствие в них подлинных музейных предметов или их копий, а также текстуальных фрагментов письменных источников, дающих посетителю возможность большей свободы в интерпретации исторических событий; однотипность приводимых историографических оценок и цитат из высказываний политиков; практическое игнорирование аннотаций к многочисленным изображениям, включенным в контент; избыточный динамизм визуальных репрезентаций и клиповый характер организации экспозиции. В силу этих особенностей, исторические парки настраивают посетителей на некритичное восприятие экспозиции, несущей вполне определенный идеологический, далекий от научности смысл. Именно поэтому, учителю необходимо быть очень осторожным, обращаясь за методической помощью к ресурсам парков «Россия — моя история».

Вопрос же об образовательной пользе региональной составляющей их контента не имеет, на наш взгляд, столь же однозначного ответа. Региональные сегменты предлагаемых экспозиций заняли подчиненное положение по отношению к основной,

типовой части. Сибирские авторы, участвовавшие в создании региональных отделений парков, были ограничены в своих возможностях общими условиями и концептуальными установками проекта, изначально нацеленного на утверждение идей целостности, однородности российского государства, народного единства и «особого пути» России, много веков подряд противостоящей «враждебному западу». К участию в проекте привлекались достаточно квалифицированные кадры из числа историков, хорошо знающих сибирскую историографию и имеющих прямой доступ к обширным базам исторических источников, отражающих вариативный исторический опыт различных общностей сибиряков в отношениях друг с другом, с соседями, с местными и центральными властями, а также с религиозными организациями и структурами. Однако от попытки показать сложность исторического процесса в Сибири, где переплелись судьбы разных народов, с многочисленными конфликтами и противоречиями в разных сферах жизни общества на разных этапах, а также с существованием особых этнических, национальных и конфессиональных исторических нарративов, существующих в качестве альтернативы русскому, православному и государственному нарративу, создатели исторических парков из числа сибирских историков решительно отказались. В фактологических деталях сибиряки оказались точнее своих московских коллег. По крайней мере, их работа не вызвала особенных нареканий со стороны экспертов. По нашему мнению, они более грамотно и продумано допол-

нили визуальными изображениями текстуальную часть, изложили материал с меньшим великодержавным пафосом, не перегружая экспозицию техническими спецэффектами. Но при этом сибирские музейщики совершенно очевидно стыдливо умолчали о неудобных с точки зрения этого проекта сюжетах из истории региона, в том числе о тех, вне обсуждения которых вообще трудно представить сибирскую историографию, как сугубо научную, так и тяготеющую к публицистике. Любой профессиональный историк понимает, что не бывает единственно правильной версии истории. Научное гуманитарное знание априорно вариативно и не сводимо к идеологически обусловленным формулам, констатации тенденциозно подобранных и вольно изложенных фактов. Едва ли эти простые истины неизвестны авторам региональных сегментов исторических парков в сибирских городах. Однако предлагаемые музейщиками репрезентации, известного им во всех противоречивых деталях регионального прошлого, едва ли будут способствовать донесению этих базовых характеристик истории как науки до учащихся, посещающих с экскурсиями исторический парк. Историческая память сибиряков полна сюжетами сложного прошлого, которое необходимо учиться цивилизованно обсуждать в публичном пространстве, признавая возможность сосуществования различных точек зрения. Вовлечение молодежи в серьезный, аргументированный диалог о прошлом, по нашему мнению, является необходимым аспектом ее социализации. Хочется надеяться, что в будущем, исторические

парки «Россия — моя история», открытые в сибирских городах, смогут стать площадками для такого рода дискуссий.

Проведенное исследование показывает, что действующая типовая экспозиция парков, как в московском, так и в региональных (сибирских) вариантах, репрезентирует историю страны с точки зрения столицы, в консервативной логике последовательности «славных» правлений. При этом отсутствует попытка показать Россию как страну в многообразии региональных, этнокультурных и конфессиональных отличий, существующих в одной стране в исторической ретроспективе. Региональный контент в сибирских отделениях парка «Россия — моя история» представляет в каждом случае только историю «своего» региона, чьи особенности могут быть сопоставлены только с общероссийским контентом, а не с другими регионами или с другими странами. Репрезентации выстроены вне контекста понимания базовых различий в ментальности людей разных эпох. Экспозиция не дает описания конкурирующих парадигм развития.

Региональные экспозиции местной истории выстроены в русле двух основных задач политики памяти местных властей: 1) обеспечения комплементарности по отношению к демонстрируемой в основной части контента парка общероссийской истории и 2) ретроспективного обоснования региональной идентичности (сколь бы исторически кратким не было существование нынешних административных границ и декларация их целостности и внутренней связанности). В случае наличия элементов этно-на-

ционального административного выделения региона в административно-территориальном устройстве сегодняшней России, как это мы наблюдаем на примере Якутии, за счет исторически утверждаемой «национальной государственности» в Якутии в экспозиции представлено больше отличительных черт истории региона (например, представлены разделы об этногенезе титульной нации), чем это оказалось уместным в ненациональных административно-территориальных образованиях (Новосибирской и Омской областях), где соответствующие смысловые блоки априори поглощаются общероссийской версией истории и местные особенности либо не упоминаются, либо считаются не существенными.

Региональный контент, как и общероссийская часть экспозиции, отчетливо демонстрируют, как церковная политика памяти диктует не критичное отношение к тем из правителей династии Романовых, кто проводил консервативную политику. Это — одна их причин затенять конфликты в истории отношений населения регионов с властями в царское время. Советскую власть, особенно на ее ранних этапах, церковь не оправдывает. Это создает возможность говорить о конфликтах местного населения (особенно это примечательно в якутском парке) с большевистскими центральными властями в период с 1917 г. до конца 1920-х гг. открыто. Однако по мере приближения к современности, стенды, посвященные истории Якутии, все меньше акцентируют конфликтные аспекты истории этой республики в составе России. Современная Якутия, очевидно, не хочет вспоминать старые

противоречия с центром, что отвечает актуальным установкам местной политики, которая, в частности, проявляется в объявлении 2019 года — «Годом консолидации». Показателен один из лозунгов этого «года», вынесенный на билборды в Якутске: «От национального многообразия — к духовному единству». Неужели его авторы в желании духовного единства готовы пожертвовать своим национальным многообразием? Если говорить о духовности, то церковное влияние проявляется в региональной экспозиции и в таком противоречии, что прогрессивным в истории считается и христианизация XVII–XIX вв., и возрождение традиционных религиозных верований в постсоветский период. Как одно и другое «прогрессивные влияния» сочетаются, остается без обсуждения.

Филиалы парка в Новосибирске и Омске, в отличие от филиалов в Якутске, не пытаются показать какую-либо отдельную «национальную» часть истории, помимо общероссийской. Здесь история регионов подается, прежде всего, как локальное проявление общих российских процессов, дополняемое лишь подробностями в виде местных названий и имен исторических деятелей. Всякое критическое начало, даже то, что могло ранее присутствовать в историографии дореволюционного («Сибирь как колония») или советского времени, в том числе касающееся возможного несовпадения местных и общероссийских интересов, из экспозиции исключено. И в этих региональных экспозициях много места уделяется церковным сюжетам. Православная тематика представлена, как правило, отдельно от всего остального. И иногда между этими частями

наблюдаются примечательные несоответствия. Так, в новосибирской экспозиции в слайдах про церковь говорится, что город назван в честь святого Николая, а в слайде про переименование города — что в честь последнего царя. Особое подчеркиваемое в региональных экспозициях место церкви видно и количественно: в тех слайдах, где представлены региональные персоналии, практически всегда половина деятелей представлена деятелями православной церкви.

В новосибирском и омском парках дореволюционная история так же, как и в якутском отделении, представлена без критики царизма. Слайды, посвященные церковной тематике и отсылкам к современности, содержат негативные коннотации трактовки советского времени довоенного периода. История Новосибирска и Омска советского периода в региональном контенте фактически утрачивает всякую связь этих крупных городов с сибирским историческим контекстом, в том числе этнографическим. Не упоминаются специально ни «коренные народы», ни народы, появившиеся в регионах в результате добровольных или принудительных миграций и участвовавших в интернациональном раз-

витии области (они не значимы для авторов экспозиции). В региональной экспозиции применительно к периоду со второй половины XX в. практически исчезает тема деревни и все проблемы села. В экспозиции по этому времени показываются только достижения.

Можно сделать вывод, что такая с мультимедийной и визуально-графической, а не с рационально-аналитической убедительностью представленная в исторических парках искусственно очищенная от проблем и противоречий история страны и ее отдельных регионов, становящаяся чем ближе к современности, тем более своеобразным «гимном созидания и управленческой успешности» властей, вряд ли позволит как содействовать распространению знаний, адекватных современному уровню исторической науки, так и решению задач по идеологической унификации и успешному социально-политическому рекрутированию квалифицированной массовой поддержки современных государственных и церковно-идеологических институтов. Неоднозначна и та польза, которую потенциально может принести парк «Россия — моя история» преподавателям, учителям истории, школьникам и студентам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lebow, R.N.* The memory of Politics in Postwar Europe // *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham: Duke University Press, 2006. P. 1–39.
2. Минобрнауки рекомендовало школьникам выставки «Россия — моя история» // РИА Новости: Россия сегодня. 10.11.2016. URL: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html> (дата обращения: 12.09.2019).
3. *Берг, Е.* Выставку под патронажем епископа Тихона предложили изучать школьникам и студентам. Историки называют ее «пропагандистской игрушкой» // *Meduza*. 11.12.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/12/11/vystavku-pod-patronazhem-episkopa-tihona-predlozhi-izuchat-shkolnikam-i-studentam-istoriki-nazyvayut-ee-propagandistskoy-igrushkoy> (дата обращения: 12.09.2019).

4. Мосин, А.Г. «Моя история» или «Моя мифология»? // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 82–92.
5. Селин, А.А. О выставках в историческом парке «Россия — моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 59–77.
6. Красильникова, Е.И., Вальдман, И.А. Практики политики памяти: парк-музей «Россия — моя история» в системе институциональных противоречий // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 72–82.
7. Махотина, Е.И. Нарративы музеефикации, политика воспоминания, память как шоу: новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. С. 75–92.
8. Сибирские татары выступили против установки бюста Ермака в Советском парке // НГС. Омск — городской портал. 26.07.2016. URL: <https://ngs55.ru/news/more/50015643/> (дата обращения: 12.09.2019).
9. Наумов, С. Благондежная история // Новая газета — Регион. 16.11.2017. URL: <https://novayareg.ru/doings/blagonadejnaya-istoriya> (дата обращения: 20.08.2019).
10. В Омске открылся исторический парк «Россия — моя история» // ИА Красная весна. 15.11.2017. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f0c5ce3b> (дата обращения: 20.08.2019).
11. Панина, М.Ф. «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2014. № 19. С. 123–126.
12. Улицы города Омска. Справочник / сост. Г.Ю. Гурьев, Л.И. Огородникова; 2-е изд., испр. и доп. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 280 с.
13. Палашенков, А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отделение, 1967. 236 с.
14. Юрасова, М.К. Омск. Очерки истории города. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отделение, 1972. 312 с.
15. Касьян, А.К., Новиков, И.Ф. История Омской области. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Ом. отделение, 1978. 80 с.

REFERENCES

1. Berg E. Vystavku pod patronazhem episkopa Tihona predlozhili izuchat shkolnikam i studentam. Istoriki nazyvajut ee “propagandistskoj igrushkoj”, *Meduza*, 11.12.2017, available at: <https://meduza.io/feature/2017/12/11/vystavku-pod-patronazhem-episkopa-tihona-predlozhili-izuchat-shkolnikam-i-studentam-istoriki-nazyvajut-ee-propagandistskoj-igrushkoj> (accessed: 12.09.2019). (in Russian).
2. Kasjan A.K., Novikov I.F. *Istoriya Omskoj oblasti*, Omsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, Om. otdelenie, 1978, 80 p. (in Russian).
3. Krasilnikova E.I., Valdman I.A. Praktiki politiki pamyati: park-muzej “Rossiya — moyaya istoriya” v sisteme institucionalnyh protivorechij, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, No. 444, pp. 72–82. (in Russian).
4. Lebow R.N. “The memory of Politics in Postwar Europe”, in: *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham, Duke university press, 2006, pp. 1–39.
5. Mahotina E.I. “Narrativy muzealizacii, politika vospominaniya, pamyat kak show: novye napravleniya memory studies v Germanii”, in: *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*. Moscow-Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, pp. 75–92. (in Russian).

6. Minobrnauki rekomendovalo shkol'nikam vystavki "Rossiya — moya istoriya", *RIA Novosti, Rossiya segodnya*, 10.11.2016, available at <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html> (accessed: 12.09.2019). (in Russian).
7. Mosin A.G. "Moya istoriya" ili "Moya mifologiya"?, *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, No. 1, pp. 82–92. (in Russian)
8. Naumov S. Blagonadezhnaya istoriya, *Novaya gazeta — Region*, 16.11.2017, available at <https://novayareg.ru/doings/blagonadejnaya-istoriya> (accessed: 20.08.2019). (in Russian).
9. Palashenkov A.F. *Pamyatniki i pamyatnye mesta Omska i Omskoj oblasti*, Omsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, Om. otделение, 1967, 236 p. (in Russian)
10. Panina M.F. "Ego bolshe ne trogali": legenda o muchenicheskoy konchine arhiiepiskopa Silvestra v 1920 g., *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja*, 2014, No. 19, pp. 123–126. (in Russian).
11. Selin A.A. O vystavkah v istoricheskom parke "Rossiya — moya istoriya" v Sankt-Peterburge, *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, No. 1, pp. 59–77. (in Russian).
12. Sibirskie tatarsy vystupili protiv ustanovki byusta Ermaka v Sovetskom parke, *NGS. Omsk — gorodskoj portal*, 26.07.2016, available at: <https://ngs55.ru/news/more/50015643/> (accessed: 12.09.2019). (in Russian).
13. *Ulicy goroda Omska: Spravochnik*, sost. G.Yu. Gurev, L.I. Ogorodnikova, 2-e izd., ispr. i dop., Omsk, Izd-vo OmGPU, 2008, 280 p. (in Russian).
14. V Omske otkrylsya istoricheskij park "Rossiya — moya istoriya", *IA Krasnaya vesna*, 15.11.2017, available at: <https://rossaprimavera.ru/news/f0c5ce3b> (accessed: 20.08.2019). (in Russian).
15. Yurasova M.K. Omsk. *Ocherki istorii goroda*, Omsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, Om. otделение, 1972, 312 p. (in Russian)

Вальдман Игорь Александрович, кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии и массовых коммуникаций, Новосибирский государственный технический университет; заместитель директора по научной работе, АНО ДПО «Открытое образование», veritasnostra@mail.ru

Valdman I.A., PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology and Mass Communication, Novosibirsk State Technical University; Deputy Director for Science, ANPO FE "Open Education", veritasnostra@mail.ru

Красильникова Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет, katrina97@yandex.ru

Krasilnikova E.I., ScD in History, Professor, Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University, katrina97@yandex.ru

Наумов Сергей Сергеевич, аспирант, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, naumov_s_s@mail.ru

Naumov S.S., Post-graduate Student, Modern Russian History and Historiography Department, F.M. Dostoevsky Omsk State University, naumov_s_s@mail.ru